

Петлюченко Н. В.

*Національний університет «Одеська юридична академія», доктор філологічних наук,
професор, завідувач кафедри германських та романських мов*

НОМО CHARISMATICUS КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Явление харизмы издавна было областью интересов гуманитарных исследований, а именно богословия, философии, социологии, психологии и др. Так, богословы указывали на божественные, благодатные (духовные и моральные) свойства харизмы (А. Л. Катанский, R. Sohm, J. Daujat, E. Kähler, H. Barth, G. Andenna, A. Biernath; философы акцентировали внимание на иррациональных (J. Ortega y Gasset, R. Guenon, J. Evola), первоначально инстинктивных (E. Canetti), свободных от социальных детерминант (H. Marcuse, T. Adorno), пассионарных (Л. Н. Гумилёв) проявлениях этого феномена; социологи и историки устанавливали характеристики харизмы политического лидера (М. Вебер, Ж. Блондель, С. Н. Зинев, И. И. Кравченко, Н. В. Фрейк, F. W. Stallberg, J. Weiß, A. Zingerle, M. Lenze, M. Günther), выделяли ее врожденный и приобретенный признаки (Л. С. Выготский, Е. В. Сидоренко, G. Le Bon, S. Freud, E. Fromm, D. Goleman, R. Gries, J. Häusermann). В настоящее время антропологи связывают харизму с популяриностью, шармом, привлекательностью, флюидностью личности [А. В. Олескин, А. И. Сосланд, Т. Dombrowski, С. Корпетш, М. Lenze], которые можно использовать в пиар-технологиях для создания харизматического имиджа публичной личности (Н. А. Гульбинский, Ф. Н. Ильясов, Е. С. Сорокина, Г. Г. Почепцов, К. Bredemeier, N. Enkelmann), в частности лидера-женщины (С. П. Перегудов, В. И. Попов, А. Поссе, В. Файзильберг).

Лингвистика исходит из того, что харизматический лидер как носитель языка обнаруживает себя и свою субъектность через общение – коммуникативно-общественную деятельность, которая невозможна без языка и речи. Речь человека довольно полно отражает его внутренний мир и, таким образом, становится источником знаний о его личности (Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А. Н. Шахнарович, Е. Г. Задворная, В. В. Красных, С. А. Сухих). Поэтому фокусирование лингвистических исследований на языковой личности политического лидера как *Homo Charismaticus*, который достигает власти и удерживает ее разными, в том числе языковыми, средствами, – важный шаг на пути изучения речевой деятельности публичной личности (В. И. Карасик, П. Г. Крючкова, М. В. Ляпон, С. И. Потапенко), ее комплексного отображения в формате дискурс-портретов (Л. П. Крысин, Р. К. Потапова, И. Ф. Ухванова-Шмыгова, В. Д. Черняк). Включение паравербальных и экстралингвальных составляющих в круг лингвистических исследований дискурса политика как носителя языка расширяет понятие языковой личности и требует введения понятия *коммуникативной*, или *дискурсивной личности* (В. И. Карасик, А. Н. Баранов, Л. В. Солощук), которая действует в континуальном дискурсивном пространстве и использует вместе с языковым кодом другие семиотические коды в зависимости от специфики общения. Имеющиеся исследования дискурсивных

практик политических лидеров, таких как Антонио Салазар, Бенито Муссолини, Франциско Франко (P. Danler), Адольф Гитлер (C. Schnauber, J. Kopperschmidt, D. Laak), Уго Чавес (A. Bolivar), Герхард Шредер, Гельмут Коль (Т. В. Юдина), определенных в истории и социологии как харизматические, сегодня не дают ответа на вопрос о способах их речевого воздействия в контексте политической харизмы. Кроме того, указанные исследования не учитывали специфики устного модуса дискурса, который дает возможность наиболее полно раскрыть механизмы вербального и паравербального влияния харизматика как языковой личности.

В целом, выделяют две основных разновидности харизмы: социально детерминированная политическая харизма, которая основана на исключительных лидерских свойствах политика на переломных этапах развития общества, а также личностная харизма, которая связана с привлекательностью человека и присуща часто с рождения (нем. *Ursprungscharisma*) как публично известным фигурам (кинозвездам, футбольным кумирам и др.), так и человеку вообще. Из указанных разновидностей харизмы для исследования была выбрана именно политическая харизма как идеально типичное понятие (нем. *Idealtyp*), основанное на теориях иррационального (харизматического) лидерства Макса Вебера, кризисного лидерства Жана Блонделя, а также теории резонансного (эмоционального) лидерства Даниеля Гоулмана и используемое преимущественно в социологии и истории для классификации разных типов господства.

Ведущей в дискурсе харизматического политического лидера является *апеллятивная* (*хортаторная*) доминанта его обращений к народу. Согласно учению Макса Вебера о разных типах господства (Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*), харизматический политический лидер в период кризисной или революционной ситуации отказывается от рациональных установок и осуществляет эмоциональное речевое воздействие, основой которого является состояние максимального воодушевления, подъема, запала. В таком состоянии харизматический лидер способен сам вдохновляться великими идеями и вдохновлять ими других. Кризисность политической ситуации порождает повышенную апеллятивность, воодушевленную окрашенность обращений говорящего лидера к народу (Петлюченко Н. В. Харизматика: мовна особистість і дискурс).

При интерпретации лингвокультурной и когнитивной специфики феномена *homo charismaticus* необходимо исходить из того, что в образе харизматичного политического лидера отражается *коллективное сознание общества*, и конкретная политическая ситуация вынуждает народ искать своего политического идола. В каждой революционной фазе истории артикулируется прежде желание народа найти такого лидера, который бы стопроцентно отвечал политическим ожиданиям и культурным стереотипам различных противоборствующих сторон и воплощал в себе определенные предпочтения, которые каждый народ приписывает своим политическим лидерам и называет свои (народа) предпочтения его (лидера) харизмой.